

ГЛАВА 43. На колени она уже становилась, этим никого не удивишь.

В зимние морозы распускает слива мэйхуа свои нежные цветы - чтобы не умирала в людских сердцах надежда на скорую весну и солнышко. Белый снег опадает на розовые лепестки, нет на свете картины прекрасней.

Но дерево мэйхуа во дворе у Бай Юй было сумасшедшее!

Ты зачем расцвело, когда приехал Сян Юй?!

Ты чему радуешься?!

Ты должно засохнуть, а ты радуешься!

Через два дня Бай Юй предстала перед господином.

Его полуприкрытые глаза безрадостно оглядели ее и обратились на Юй Ваньсин. Когда они смотрели на Юй Ваньсин, они теплели. Когда они смотрели на Бай Юй, выражение в них было "Скорее бы обратно на войну."

Бай Юй должна была стоять, опустив глаза, но у нее не хватало терпения - ей было слишком интересно посмотреть на Сян Юя, которого она не видела почти полгода! Она то и дело поднимала взгляд, когда думала, что господин не смотрит на нее.

Он обрезал бороду, оставалась только недлинная бахрома по краю квадратного подбородка. Стало видно молодое лицо с широкими гладкими щеками, как у Сян Ляна, все такое же непроницаемое, может быть, немного осунувшееся после череды невзгод - гибели шу-фу, разгрома чуских войск и унижений в столице, где ему приходилось выказывать свою покорность бесполезному императору.

После приезда Сян Юй переоделся в беленую пеньковую одежду, а потом прошел прямо в храм предков, где он двенадцать часов простоял на коленях перед дощечкой с именем Сян Ляна. Он не носил траура в столице, но Бай Юй знала, что он отомстит за премного отца так, что Поднебесная содрогнется.

Сян Юй сидел на возвышении в большом зале, как положено главе семьи. Идея придти с поздравлениями принадлежала Юй Ваньсин. Она сшила для Бай Юй новую юбку из сиреневых и бледно-зеленых шелковых клиньев, такую же, как у нее, и помогла причесаться.

- Ты приготовила подарок нашему господину? - спросила Юй Ваньсин.

- Подарок?

Бай Юй, честно говоря, совсем забыла про это дело.

Юй Ваньсин и Ли Лэ уже шарили в сундуке.

- Ваньсин, Ваньсин, - торопливо сказала Бай Юй, которой неловко было признаться, что она давно забила болт на вышивании. - Мое мастерство не достойно нашего господина.

- Это ничего, главное, что ты покажешь господину свою любовь и заботу. Ты же ни разу ему ничего не дарила!.. Ага, вот оно!

Юй Ваньсин уже вытащила одной рукой наплечник с зайцами, а другой - схватила

лакированную шкатулку, встрясла из нее шпильки и сунула туда наплечник.

- На! - сказала она Бай Юй - Пойдем скорее.

Когда они подошли к крыльцу большого зала, вдруг оказалось, что Бай Юй забыла дома шкатулку с подарком! Надо же, как глупо получилось.

- Ах, какая я забывчивая! - сказала она.

- Да уж я знаю, - сказала Юй Ваньсин, как бродячий фокусник, вытаскивая из рукава проклятую шкатулку. - На, не забывай больше.

Теперь Бай Юй в новой юбке, красиво причесанная, стояла перед господином и держала в руках коробочку с подарком.

Ореховые глаза Сян Юя снова остановились на младшей наложнице.

- Бай Юй, - сказал он, и голос его был безжизненный, как прошлогодние мертвые листья.

"Начинается. Чем он уже недоволен?" - подумала Бай Юй.

Сян Юй опустил глаза и взял со стола бамбуковую дощечку.

- Я на севере, ты на юге, - с расстановкой прочитал он. - Но я буду присылать тебе гусей... Бай Юй...

Бай Юй испугалась.

Беда пришла, откуда она совсем не ждала ее!

Она сама написала это письмо!

Это было, по сути, объяснение в любви!

Если Сян Юй нашел его у Сян Чжуана, что он подумал про них?! И что он с ними сделает?!

У нее все внутри сжалось.

Сян Юй встал и неторопливо прошелся мимо стола, заложив руки за спину. Его массивная фигура в высоком золотом гуане и плотном малиновом пао с богато расшитым биси не оставляла сомнений, кто теперь хозяин в усадьбе Сян. По бокам дощатого возвышения, куда вели несколько ступеней, горели две жаровни с широкими круглыми чашами. В полумраке холодной комнаты пламя бросало красные отблески на равнодушное лицо господина. Вся сцена была зловещей и торжественной, настоящий □□ "домашний суд"*[116] в могущественном семействе.

- Гусей... - задумчиво повторил Сян Юй.

Он повернулся и сверху вниз посмотрел на съежившуюся у подножья лестницы Бай Юй.

- Позволь мне спросить тебя, Бай-цzie, - сказал он потом замогильным голосом. - Сколько гусей ты прислала?

- А? Что?

Этого вопроса Бай Юй не ожидала!

- Ни одного! - подытожил генерал.

- Не думай, что в армии Чу не налажено снабжение, и что мне так нужны твои гуси. - продолжал Сян Юй. - Но это показывает твоё отношение... Никакой заботы и внимания к семье и своему господину... Я не удивляюсь. Вот она, цена твоих обещаний.

"Это же Сян! - вспомнила Бай Юй. - Какие стихи?! Какие признания в любви?!"

Сейчас скажет про поросят, поняла она.

- Основой военного рациона являются рис и просо, но в войска также регулярно поставляются гуси, утки, цыплята, свинина, говядина,.. - говорил в это время генерал Сян.

На глазах у Бай Юй выступили слезы после перенесенного волнения. Это было счастье жизни, с которым она чуть не распростилась. Генерал подумал, что младшая наложница усвоила свой урок и раскаялась. Хорошо поговорили.

- Бай Юй, - сказал он уже не так строго. - Ты все время хочешь показать себя умнее других. А сама даже не знаешь, где находится царство Чу. Ты пишешь: я на севере, ты на юге, а надо: я на юге, ты на севере!.. Иди... Будь скромнее, Бай Юй. Как подобает наложнице.

Слава те господи, подумала Бай Юй, пытаюсь изобразить на лице подобающую наложнице скромность, но не тут-то было.

Юй Ваньсин молча подняла руку.

Престарелый чиновник, готовивший Юй Ваньсин в проститутки, был ученым сухарем, поэтому Юй Ваньсин иногда вела себя, как в школе на уроке.

- Юй-цzie? - с приязнью сказал Сян Юй.

- Господин, Юй-мэй приготовила вам подарок, - отвечала Юй Ваньсин с поклоном, тихим мелодичным голосом. - Она очень старалась. Она хотела порадовать господина.

Сян Юй приподнял брови, удивившись услышанному. Он с вопросом посмотрел на Бай Юй.

Бай Юй с тоской посмотрела на двери. Больше всего ей сейчас хотелось убежать.

Она неохотно подошла к начальственному помосту и протянула господину лакированную шкатулку.

- Это я только учусь, в следующий раз будет лучше, - на всякий случай сказала она.

Сян Юй положил шкатулку на стол, губы его выдали намек на улыбку. Генерал Сян, оказывается, любит получать подарки!

Сян Юй открыл шкатулку.

Он долго смотрел на свой подарок.

Выпученными глазами.

Бай Юй нерешительно переступила с ноги на ногу.

Она робко надеялась, что господин перестал шевелиться, потому что восхищен ее шедевром.

Но что-то он уже долго сидит так...

Может, от восхищения его хватил инсульт?

Бай Юй не выдержала, забралась на две ступеньки и вытянула шею. Жутковатое подозрение закралось в ее душу.

Она поднялась еще на ступеньку и ей стала видна окостеневшая когтистая лапа, торчавшая вертикально вверх.

Конечно, в коробочке лежаладохлая крыса!

Она лежала, безучастная к делам живых, оскалив пасть в последней муке, несчастный скелет, обтянутый облысевшей кожей.

Дура Юй Ваньсин! Схватила не ту шкатулку!

Что было делать бедной Бай Юй?

Что могла сделать древнекитайская жена, подсунувшая своему господинудохлую крысу вместо наплечника для лука?

На колени она уже становилась, этим уже никого не удивишь.

Бай Юй убежала!

Сян Юй поднял глаза и смотрел ей вслед, как яркое сиреневое пятнышко становится меньше и исчезает вдали, в розовой утренней дымке.

Не надо было ему приезжать в Учжун. Ничего хорошего из этого не выходит с некоторых пор.

Утешение было только одно - Бай Юй скрылась с его глаз.

Не успел он так подумать, как сиреневое пятнышко снова нарисовалось в утренней дымке, стало расти и приближаться, пока Бай Юй не вбежала обратно в большой зал и не упала на колени перед господином.

Сян Юй на несколько секунд закрыл глаза, с трудом сохраняя спокойствие.

Он говорил себе: она взбалмошная и невоспитанная, но она все-таки вернулась, чтобы оказать господину почтение. Она старается.

Он ждал, что она скажет.

Бай Юй подняла голову. Мольба была в ее круглых глазах.

- Господин, - сказала она. - Отдайте мне, пожалуйста, мою крысу.

Глаза Сян Юя широко раскрылись. Зрачки в них стали размером с кончик иглы, как у хищной птицы. Взгляд их был жесток, холоден и страшен.

Он медленно поднялся и, со шкатулкой в руках, спустился по ступеням.

- Господин, это важное свидетельство! Я знаю, чем болеет Ми-фжэнь, я могу доказать... - просила Бай Юй.

Губы Сян Юя раздвинулись в коварной усмешке.

Он поднял руку над одной из жаровен и посмотрел прямо в глаза младшей наложнице. Он разжал пальцы. Шкатулка с мертвой крысой упала в огонь.

Едкий дым от горящего лака поднялся над останками. Мертвые крысиные кости затрещали в пламени.

- Господин, этот дым ядовит, не вдыхайте, там ртуть! - закричала Бай Юй.

Сян Юй назло ей сделал глубокий вдох. Он подарил непутевой младшей наложнице гордый взгляд, полный презрения. Жуткий запах горящей больной плоти ударил ему в ноздри, но генерал Сян не сошел с места.

Только две больших слезы выкатились из уголков глаз.

- Это яд! Вы отравитесь!... Вы заболете!.. Господин! Сян Юй!

Его суженные зрачки с ненавистью уставились на нее.

Бай Юй, забыв про приличия, тянула его за рукав. С тем же успехом она могла попробовать сдвинуть с места гору Тай. Генерал Сян врос в землю, как будто стоял на последнем рубеже царства Чу.

- Бай Юй... - тихо проговорил он.

Она подняла голову и посмотрела в плоское лицо над собой. Она увидела, как набухают вены на лбу у господина.

- Бай Юй, - зарычал Сян Юй. - Отправляйся к себе в покои...

Бай Юй поняла, что он не уступит. Она опустила руку и еще несколько секунд стояла и не знала, что ей делать дальше. Потом она поклонилась и, повесив голову, пошла к выходу.

- ... и не приходи больше в большой зал!..

На улице Уи-уи прыгал на Хань Синя и лизал ему небритый подбородок, показывая свою радость после разлуки и надеясь получить кусок булки с мясом.

В это время его хозяйка вышла из дверей большого зала и, спотыкаясь, пошла через двор. Она глотала слезы на ходу. Уи-уи чутким собачьим сердцем понял, что хозяйку обидели. Он поставил уши торчком и начал водить мордой и искать виновника.

- ...И чтобы я никогда больше тебя не видел! - раздался над двором злобный рев, как будто рычали сто тигров а горах.

Уи-уи помнил Хань Синя, потому что они были родственные души на почве обжорства.

Уи-уи не помнил Сян Юя. С их последней встречи прошло почти полгода, он был тогда совсем

щенком.

Теперь он видел огромного злого демона, который стоял на крыльце, рычал и обижал его хозяйку! От возмущения шерсть встала дыбом на загривке у Уи-уи! Он залаял, как сумасшедший, бросился через двор и вцепился чудищу в ногу!

Он получил такого пинка, что врезался в забор и не сразу смог встать. Потом поднялся, захромал на трех лапах и они с Бай Юй, избитые и несчастные, поплелись в свой холодный двор.

Все результаты эксперимента была уничтожены Сян Юем, у нее больше не было способа доказать Фэн Цзы, что лаковое покрытие испускает ядовитые пары. Старый псих уперся и не хотел ее слушать. Он скорее отправит Ми-фужэнь на тот свет, чем признает правоту Бай Юй! Разговаривать с самой Ми-фужэнь не имело никакого смысла. Сян Юй даже смотреть не хотел в ее сторону, попробуй ему что-нибудь объяснить...

Некому было помочь Бай Юй.

Она была одна, как былинка в поле, и холодный ветер 12й луны убивал в ее душе надежду.

У ограды своего заброшенного двора она увидела знакомую широкоплечую фигуру, поклонившуюся ей издали.

Как же она могла забыть про него?!

Вот кто может помочь!

Бай Юй ускорила шаги, и лицо ее осветилось улыбкой.

*[116] 家法 ("дзя фа", букв. "семейный закон") - свод норм морали и порядка рассмотрения ненадлежащего поведения внутри семьи, а также - вынесения наказания, вплоть до смертного приговора (например, измена мужу)

□ Благотетели, ставьте лайки, это полезно для кармы! □

Благотетели, на главной странице проекта кнопочку тоже нажмите.

<http://tl.rulate.ru/book/80035/2805426>